

«Ицзин» – важнейшая и наиболее ранняя среди канонических книг старого Китая. Она считается труднейшей для понимания и перевода и всегда пользовалась славой темного и загадочного текста. Такие области традиционной китайской культуры, как философия, математика, астрономия, медицина, наука управления государством, воинское искусство, теория музыки, кулинария – все были так или иначе связаны с символами «Книги перемен». Известный переводчик и исследователь «Книги перемен» Ю. К. Щуцкий (1897–1938) считал, что она «возникла как текст вокруг древнейшей практики гадания и служила в дальнейшем почвой для философствования, что было особенно возможно потому, что этот малопонятный и загадочный архаический текст представлял широкий простор творческой философской мысли» [1, с. 2]. Подобное мнение до сих пор распространено среди китаеведов, однако оно не единственное, имеющее право на существование. «Ицзин» применялась при гадательных практиках, но это было не просто перебирание стеблей тысячелистника или же гадание на костях. Гадание здесь было как восприятие мира и способ взаимодействия с ним.

Одни исследователи воспринимают древнекитайское «учение о символах и числах» «бессмысленной и мистической игрой в числа» (например, В. С. Спирин), другие видят в нем определенную логику, как, например, А. И. Кобзев, который определяет нумерологию как «формализованную теоретическую систему, элементами которой являются математические или математико-подобные объекты – числовые комплексы и геометрические структуры, связанные, однако, между собой главным образом не по законам математики, а как-то иначе – символически, ассоциативно, фактуально, эстетически, мнемонически, суггестивно и т.д.» [1, с. 3]. В общем, вопрос спорный и неоднозначный и требующий дальнейшего исследования, так как до сих пор до конца не ясно, кто создал эти гексаграммы, для чего, каково их истинное предназначение и, самое главное, есть ли в них какая-нибудь определенная система и, если есть, какая она. В данной статье нет разъяснений, в ней лишь содержится еще одно предположение, но также имеющее право на существование и дальнейшее развитие.

«Книга перемен» («Ицзин») входит в «Пятикнижие» («Уцзин») и в «Тринадцатикнижие» («Шисаньцзин») как одна из канонических книг древнего Китая. Разделяется она на основную часть «Ицзин» и комментирующую – «Ичжуань» («Комментарии к Переменам»).

По теории «Книги перемен», весь мировой процесс представляет собой чередование ситуаций, происходящее от взаимодействия и борьбы сил света и тьмы, напряжения и податливости, и каждая из этих ситуаций символически выражается одной из так называемых *гуа* (или, по европейской традиции, гексаграмм). Всего гексаграмм 64, каждая из которых состоит из шести черт; черты обозначают последовательные ступени развития каждой ситуации.

Черты, также называемые *яо* (*сяо*), бывают двух типов:

1) целые горизонтальные черты, называемые *ян* («световые»), *ган* («напряженные») или, чаще всего, по символике чисел, *цзю* («девятки»);

2) прерванные посередине горизонтальные черты, называемые *инь* («теньевые»), *жоу* («податливые») или *лю* («шестерки»).

Гексаграммы, вопреки норме китайской письменности, читаются снизу вверх. Таким образом, первой чертой гексаграммы считается нижняя, которая называется «начальной», а верхняя черта называется верхней «*шан*».

Нечетные позиции (начальная, третья и пятая) считаются позициями света – *ян*. Четные (вторая, четвертая, верхняя) – позициями тьмы – *инь*. Естественно, только в половине случаев световая черта оказывается на световой позиции и теньевая – на теньевой. Эти случаи называются «уместностью» черт.

Китайская традиция приписывает создание триграмм легендарному мудрецу Фуси. Уже в древнейших комментариях к «Книге перемен» указывается, что первоначально были созданы восемь символов из трех черт, так называемые триграммы. Они получили определенные названия и были прикреплены к определенному кругу понятий:

«Таким образом, в Переменах есть Великий предел. Он рождает двоицу образов. Двоица образов рождает четыре символа. Четыре символа рождают восемь триграмм. Восемь триграмм определяют счастье и несчастье. Счастье и несчастье рождают великое деяние» [1, с. 468].

Основополагающая классификационная система *Инь–Ян* представляет собой древнейшее теоретическое осмысление естественноприродной двоичности мироздания, всесветной симметрии, являясь концептуальной основой идеологии симметризации и воплощением теоретико-групповых интуиций, т.е. старейшим примером группы. *Инь–Ян* заложена в идею «Книги перемен» (прежде всего в своей числовой ипостаси), образуя алгебру логики, точнее, двухточечное булево кольцо $J = (0, 1)$, где 0 представляет четные, 1 – нечетные числа, а операции сложения и умножения определены естественным образом: $0 + 0 = 0 = 1 + 1$, $0 + 1 = 1 = 1 + 0$; $0 * 0 = 0 * 1 = 1 * 0 = 0$, $1 - 1 = 1$, т.е. наличествует кольцо всех целых чисел по модулю два [2, с. 40].

Об изначальной двоичности мира и человека довольно много написано. Сознательное (как это и подобает человеку) проведение двоичного принципа, так сказать, вторичное (т.е. посредством человека) его проявление во всевозможных артефактах мы назовем симметризацией. Образец симметризации являет собой расширение числовой области за счет введения отрицательных чисел.

Хотя симметризация является повсеместной на протяжении всей истории человечества, особенно для так называемого мифологического мышления и первобытного общества, представляя собой основной упорядочивающий принцип, но нигде, по-видимому, его осуществление не достигало такого расцвета и не проводилось столь последовательно, во всяком случае, не сохранилось столь неповрежденным, как в Китае. Оставляя в стороне материальную культуру, упомянем лишь несколько ярких фактов китайского духовного наследия, намекающих на диапазон обсуждаемого явления: от текстового параллелизма, важнейшего наряду со служебными словами способа

грамматического оформления древнекитайского текста, до первого в истории математики возникновения отрицательных чисел – этих зеркальных двойников положительных чисел.

Сформировавшиеся триграммы и гексаграммы идеально укладываются в двоичную систему, что является открытием Лейбница. По Лейбницу, 64 гексаграммы суть разложения в двоичной системе счисления первых (начиная с 0) 63 натуральных чисел. Существенно, что нам даны все двоичные наборы длины «шесть», которые могут быть истолкованы как строки вполне определенной истинностной таблицы, задающей некую функцию f алгебры логики. Коль скоро f есть функция, то, стало быть, кроме наборов значений аргументов (вышеупомянутые двоичные наборы) должны быть определены и значения функции f на этих наборах. Поскольку же f является функцией алгебры логики, постольку ее значения (так же как и значения ее аргументов) принадлежат множеству $\{0, 1\}$.

Мы предполагаем, что, вопреки широко распространенному мнению о неразработанности формальной логики в древнем Китае, ранняя классика этой страны изобилует примерами формально-логических рассуждений, а «Ицзин» представляет собой кодификацию соответствующих формально-логических теорий в их взаимозависимости.

Поговорим немного о формализации. Формализовывать можно как количественную, так и качественную семантику. Лейбниц размышлял, прежде всего, о количестве, о числах, увидев в гексаграммах «Ицзин» двоичное исчисление, т.е. новую изящную математику. Но мы предполагаем, что гексаграммы «Ицзин» предназначались, прежде всего, для формализации качественной семантики, т.е. для описания мира непротиворечивыми методами. Такую же задачу ставил перед своими учениками Пифагор. Поразительна близость пифагорейско-неоплатонистических и ицзиновских воззрений на мир и на числа вообще. В таком контексте гексаграммы «Ицзин» можно рассматривать как реализацию поставленной Пифагором задачи.

Однако с точки зрения одной только математики структура «Ицзин» весьма странная. Китайская традиция приписывает легендарному мудрецу Фуси создание триграмм путем деления Великого предела. Далее, также по одной из традиционных теорий, 64 гексаграммы (*люшисы гуа*) получились из 8-и триграмм (*ба гуа*) путем их удвоения Вэньваном. То есть, как нам известно, для порождения триграмм был применен вначале рекурсивный метод (рис. 1),

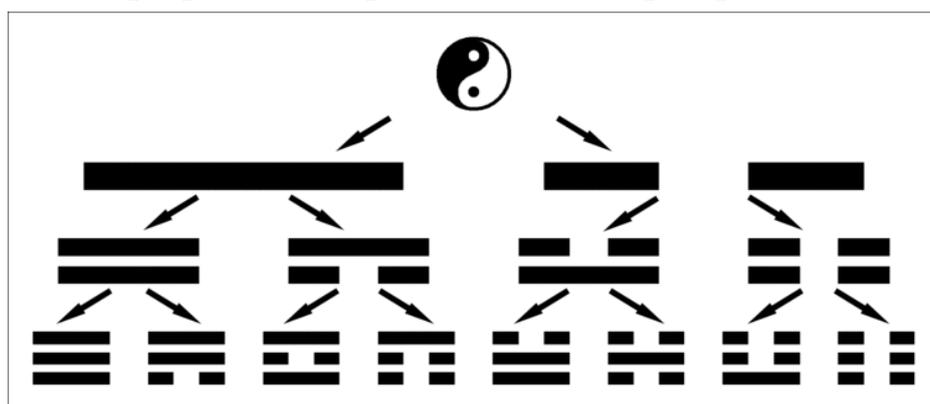

Рис. 1. Рекурсивный метод порождения триграмм

а затем аппликативный (удвоение триграмм). Многие математики считают такое смешение ошибкой, и далеко неясно, чем было оно обусловлено. Возможно, в действительности триграммы и гексаграммы были созданы разными людьми для разных целей.

В итоге кажущаяся идеальная логика построения гексаграмм оказывается не такой уж и идеальной, и встает ряд вопросов и противоречий, которые еще предстоит разрешить.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Еремеев, В. Е.* Символы и числа «Книги перемен» / В. Е. Еремеев. – М. : Научно-издательский центр «Ладомир», 2005. – 600 с.
2. *Крушинский, А. А.* Логика «И цзина» : Дедукция в древ. Китае / А. А. Крушинский ; Рос. акад. наук. Ин-т востоковедения. – М. : Издат. фирма «Вост. лит.» РАН, 1999. – 173 с.
3. И-Цзин : древняя китайская «Книга Перемен» / пер. Ю. К. Щуцкого. – М. : ЗАО Изд-во «ЭКСМО-Пресс», 1999. – 560 с. – (Серия «Антология мудрости»).